

Сергей Сурнин

1993 й год

Воспоминания защитника Дома Советов

Москва

2013 г.

Сергей Сурнин - поэт и учёный, выпускник мех-мата МГУ, участник обороны Дома Советов в сентябре-октябре 1993 года. В те дни я не просто «побывал» у здания Верховного Совета. Был там до самого конца, выйдя из пылающего здания вместе с группой «Альфа». А начинал стихотворением «Дайте мне автомат», написанным в день объявления Ельциным Указа №1400. 3 октября 2008 года, в дни 15-ой годовщины расстрела Советской власти дал интервью корреспонденту «Правды Москвы». Здесь всё, что я тогда рассказал, почти без правок.

**Молитесь, братья, о невинно убиенных,
О павших за Россию в октябре,
О твердых в вере, атеистах и неверных,
За праведность прощён неверья грех!
Не все из них погребены покуда,
У нас в стране еще у власти зло,
Они убиты братьями иуды,
Продавшими себя за серебро...**

«Дайте мне автомат» (21 – 22-е сентября)

19-го сентября начался I Съезд народов СССР и, думаю, это стало последней каплей, которая подтолкнула Ельцина и его окружение. Они испугались, потому что на Съезд собралось много делегатов со всех республик.

Двадцать первого где-то часа в три из театра Дорониной, где заканчивался Съезд, я позвонил товарищу из Союза офицеров. Его на месте не оказалось: «Кто его спрашивает?» Ответил: «Поэт Сурнин». Говорят: «Ну, раз поэт, беги срочно к Верховному Совету и поднимай народ». Я быстро добрался до Верховного Совета. Подхожу со стороны Красной Пресни и вижу Гусева Георгия Георгиевича. Он кого-то провожал. Я подошел и сказал, что мне сообщили о том, что обстановка резко обострилась, и надо поднимать народ. Гусев ответил: «Да нет ничего, все спокойно». Союзу офицеров, видимо, по своим каналам передали информацию, что готовится переворот, но Гусев меня успокоил, и я подумал, может быть, действительно, ничего страшного. Мне тогда надо было съездить по своим делам в Зеленоград. Вечером, после того как вернулся из Зеленограда, проводил белорусских товарищей со Съезда народов СССР. Утром меня разбудил телефон. Звонит Илья, секретарь Екатеринбургской епархии, хороший парень, патриот: «Как у вас, всё спокойно?». «Всё спокойно», - и тут до меня начинает доходить вчерашнее предупреждение Союза офицеров. Включил радио, а там передают известный указ Ельцина. Зашел в соседний подъезд, у меня там дочка жила, сказал ей, что не знаю, когда вернусь, и поехал. По пути к Дому Советов написал стихотворение: «Дайте мне автомат». На месте народу оказалось много. Я приехал туда где-то в половине десятого. Прочел стихотворение. Приняли хорошо. Телевизионщики прозевали, но потом я слышал, как по телевидению прозвучала фраза: «...а один все просил автомат Калашникова».

Разведчик

До 29-го числа было еще много событий, мы дежурили круглосуточно возле Верховного Совета. Я там дни и ночи пропадал, ну, может, часа на три возвращался домой, отсыпался и снова туда. Утром обстановка была более напряженной, народу оставалось меньше, а днем лучше. Формировался добровольческий полк, в ос-

новном «афганцы». Потом он получил название «имени Верховного Совета». Но я никуда не записывался. Просто незаметно прибил к 10-му отряду, ходил выяснял обстановку.

У Дома Советов было много разных людей.

В первый или второй день один лазутчик пытался пройти в здание Верховного Совета. Я его видел еще за несколько дней до этого, он пришёл и говорит: «Ребята, разбегайтесь, иначе мы вас всех постреляем, у меня в охране 20 пулеметов». Потом, примерно через год, я его встретил на улице. Он обижался на меня за то, что там, в Доме Советов, я, увидев его, сразу сообщил ребятам, что это враг. Его остановили. Он боялся, что с ним что-то сделают, но его быстро отпустили. Ещё он рассказывал, что его наградил сам Лужков за то, что 4-го утром брал гостиницу «Мир». Так что в Дом Советов проходили не только свои, агентурная работа велась, и использовались не только штатные сотрудники спецслужб, но и частные охранные структуры, которые специально привлекались Лужковым.

Ну, собственно из-за того, что я ходил по округе и возвращаясь, докладывал обстановку, меня и стали называть разведчиком.

Слово об армии (29 сентября)

До 29-го здание Дома Советов было слабо окружено милицией. Блокада, всех выпускали, но никого не впускали, началась 29-го утром. Почему блокада началась именно в этот день, а не раньше на то были причины.

29 сентября мы с моим знакомым поехали в Таманскую дивизию. У него там зять служил, прапорщиком. Приехали, зашли в общежитие. Таманская дивизия, которая ночью своим ходом вернулась из Гороховецких лагерей, отсыпалась. Встретили нас словами: «Они там дерутся за власть, это не наше дело».

Ельцин боялся, что кто-то из этой дивизии может повернуть на защиту Верховного Совета, и тогда ситуация изменится. К сожалению, плохо работали руководители Верховного Совета. Надо было большой группой выехать навстречу армии и перетянуть ее на свою сторону. Мы вели работу с дивизией имени Дзержинского, которая нас «охраняла», до того, как ввели жесткое оцепление. Командир роты, с которым я разговаривал, сказал: «Нам нужны гарантии с вашей стороны». Я передал его слова, и Сажи Умалатова дала мне

письма Руцкого, в которых было написано, что те, кто не совершил преступления и перейдет на сторону народа, тому никакого наказания не будет. Но утром дивизию имени Дзержинского убрали, и моя встреча с офицером не состоялась. Оцепление стало из ОМОНа, собранного со всех регионов.

Люди в штатском (30-е сентября)

После того как я съездил к дивизии Дзержинского, обратно вернуться не смог. Оцепление было жесткое, не пропускали. Иногда женщины с продуктами проходили сквозь кордон. Вечером, когда я приехал, народ не пропускали уже от выхода из Баррикадной, Солдат бросили на то, чтоб они оттесняли людей при выходе из метро. Я в первые ряды выбился, и тут меня пропустили ребята-«дзержинцы» со словами: «Товарищ писатель, проходите. Не волнуйтесь!» Они меня знали.

Ранее, в один из вечеров, я подошел к командиру добровольческого полка Александру Алексеевичу Маркову:

-Я не записываюсь, хоть в армии служил, стрелять умею и в критический момент буду там, где надо, но пока мое оружие - слово.

-Ну, раз твое оружие слово, иди к метро Баррикадная, там батальон дивизии имени Дзержинского, разагитируй их.

Пришел, а их уже народ почти разагитировал. Прочел солдатам стихотворение: «Смерть кружит вороньем». Увидел командира батальона - полковник лет 45-50, весь седой, подошел, говорю: «Хотят устроить провокацию, уводите людей». Он ответил: «Минут через 10 мы уйдем». И ушли. Правда, я потом узнал, что это не только наша агитация, их надо было вести на ужин.

И вот теперь они меня пропустили. Я прошел внутрь оцепления, и тут какой-то капитан, не очень молодой, подскочил ко мне и начал: «А! Я знаю, ты - главарь!» (простые ребята, они нормальные), а этот повел меня, передал майору: «Вот я задержал, возьмите!» Тот взял и метров через 10 меня отпустил. Дошел я до верхнего угла сада Павлика Морозова, хотел пройти к своим, но там меня снова остановили. Прикинулся, что просто поэт, хочу разобраться, впечатлений набраться, изобразил «нейтрала». Слышу, офицер по радиации вызывает «скорую помощь», ну, думаю: «все, сейчас в психушку». Нет, оказывается, он наряд вызвал, говорит: «Проводите товарища». Проводили в автобус в тупичке, что спускается к 20-му

подъезду. В автобусе уже несколько человек. Сажу у окна и вижу угол Верховного Совета. Как там наши?

Смотрю человек 20 молодых ребят подошли к автобусу. Ну, думаю, тоже задержали как нас, уже сидящих в автобусе. И вдруг команда: «Построиться!» Они становятся в две шеренги, друг напротив друга. Раздается еще команда, они шаг вперед, наклоняются и берут с земли автоматы.

Все в штатском!

Набрали нас полный автобус и отвезли в отделение на Красной Пресне. Меня быстро отпустили, попался хороший следователь. На пути к метро зашел в Краснопресненский исполком, там были наши сторонники, возглавлял их Краснов, и передал информацию, что готовится провокация.

Милиция (1-е октября)

Потом меня еще брали. В тот день, когда надеялись на переговоры с участием патриарха. Я прошёл за киноцентр почти к казачьим баррикадам. Вдруг навстречу цепочка милиции, стали всех оттеснять. Меня за вопросы посадили в автобус. А в кармане те письма Руцкого, я часть успел отдать, но оставалась парочка, и были стихи. Стихи дал почитать офицерам, как я понял районным операм. Они почитали и, минут через пять, меня отпустили, пожелали творческих успехов. Вообще, обычная московская милиция, нормальная. Это собранный ОМОН, особенно свердловский, отличился второго числа, устроил провокацию у метро Смоленская.

Провокации (3-го октября)

Третьего числа собрались на Октябрьской площади, там всё было перекрыто, но прорвались и пошли в сторону Крымского моста. У меня была договоренность о встрече и, когда все уже дошли до моста, я еще был у памятника Ленину, а потом побежал догонять. Около Смоленской площади раздались хлопки, применили слезоточивый газ. У меня был шарф, закрылся и так прошел до старого метро Арбатская. Здесь опять были провокации. За Смоленской площадью, ближе к новому Арбату, стояли военные машины, и молодые ребята, спортивно одетые, стали бить солдат. При мне

один солдатик заскочил в кабину и закрылся, эти подбежали стали его вытаскивать. Я подскочил, меня метров на 30 слышно, кричу: «Солдат не бить!» Соседи поддержали. Провокация прервалась. Мы пошли дальше и вышли к мэрии. Возле мэрии милиция. Стою около «поливалки». Идет подполковник в защитном бушлате, высокий, метр восемьдесят пять, наверно. Вдруг, сзади на него псих с «демократической внешностью», с туристским топориком, норовит по голове. Народ ахнул. Офицер отмахнулся правой рукой с автоматом и очередью вверх. Провокация опять сорвалась.

Почти сразу после этого раздались выстрелы со стороны мэрии. Я прошёл между машинами, на газоне под полукруглой площадкой, прилегающей к мэрии, лежал пожилой мужчина, на груди кровь. Я видел его метров с трёх-четырёх.

Вдруг, за дорогой, поднимается «лицо кавказкой национальности» и даёт длинную очередь в сторону мэрии. С круглой площадки мэрии ответная очередь. Все стреляют поверху. Раздается призыв всем идти под защиту Верховного Совета, и мы идем туда. Через какое-то время выходит Руцкой и даёт команду на построение. Я еще вслух подумал, что в армии нас строил старшина, а не генерал. Построилось несколько колонн брать мэрию. Я встал во главе крайней левой колонны, и мы пошли в обход. Оружия у нас не было. Как у других - не знаю. Зашли за гостиницу «Мир». Здесь небольшой кордон, внутренние войска. Из наших рядов выскочил один и пытался разоружить офицера, я это пресек. Офицер говорит: «Мы сейчас уйдем, уже команда поступила, мне надо сохранить солдат». Солдаты ушли, и в этот момент раздались выстрелы. Мы прошли вперед, за мэрию. Я увидел пятерых раненых солдат, лежащих на траве. Стал звать санитаров. Подбежали. Говорю раненым: «Ребята, вы видите, что у нас нет оружия. Это не мы! С мэрии стреляли!» Кстати, взят был только первый этаж мэрии, а выше оставались охранные структуры, которые не пустили никого. Из тех, кто штурмовал, никто не ранен.

Стреляли именно в солдат.

На войне как на войне (4-е октября)

Вечером поступило сообщение, что Анпилов пошел к Останкино, стали собираться к нему в поддержку, но я к Останкино не пошел. На все насмотрелся. Вечером многие ушли домой. Четвёртого

было солнечно с утра. Ночью обходил баррикады, стихи читал и просто разговаривал, узнавал обстановку. В семь часов был около Горбатого мостика. Вдруг послышался лязг, стало понятно, что идет техника. Отправился разведать, в чем дело... Немного пробежав, увидел, что к гостинице Мир и на фасадную часть прошло несколько бронемашин. Раздались выстрелы, побежал к Горбату мостику. Здесь были две бутылочки из-под фанты с бензином, я взял их и к своему 10-му отряду. Пока добежал, уже началась сильная стрельба. На перекрестке, ближнем к 20-му подъезду стояла боевая машина пехоты. Народ стал рассредоточиваться. Стрельба поутихла. Вижу за пандусом молодой мужчина в чёрном костюме шарит по земле, что-то ищет. Спрашивает меня:

-Ты не видел его?

-Что?

-Пистолет!

- Нет, не видел.

Вдруг у верхнего основания пандуса появляется человек «в гражданке», но с автоматом: «Всем лежать, подходи по одному». Раздается выстрел, пуля попала в живот или грудь, автоматчик сгибается, к нему подбегают и разоружают. Через пару минут я вижу, предположительно, абхаза (или с Кавказа), сидящего спиной к борту пандуса с внутренней стороны на половине подъёма, у которого в одной руке автомат, а в другой пистолет. Он мне: «Видел, как я его?» Отвечаю: «Видел», - хотя я самого выстрела не видел, но слышал и видел уже, как автоматчик загнулся. Говорю: «Зачем тебе автомат и пистолет? Дай мне что-нибудь.» Он дал мне пистолет. Я одну бутылку отдал знакомому, взял пистолет. Вижу, как человек в чёрном костюме, ползет с раненым вниз по пандусу. Как на поле боя, раненый сверху, и успокаивает раненого. Вдруг он замечает меня, бросает раненого и ко мне: «Мой пистолет!» Я ещё ничего не понимаю. Пистолет мне дал сосед. Конечно, я мог бы выстрелить в него, но не приучен стрелять в людей, и не знаешь, враг или друг. Сидя отворачиваюсь, он пытается дотянуться до пистолета, и разбивает мою бутылку о гранит и мой мизинец. При этом давит на совесть и память. Я начинаю понимать, что он тот, который искал за пандусом, пистолет действительно его. И нехотя отдаю пистолет. Остаюсь безо всего, пистолета нет, одну бутылку отдал, вторая разбита.

Начинается сильная перекрестная стрельба. Я прыгаю вниз, на га-

зон ближе к зданию, команду «ложись!» И сам падаю. Ну, думаю, пригибай голову, не пригибай, пуля найдет, если суждено. Смотрю: идут бронетранспортеры и БМП и поливают из всех бойниц. Не как наши солдаты, короткими очередями, а по-немецки - вставил магазин и стреляй, пока не кончатся патроны.

Вижу, как ребята из нашего отряда, Володя Ермаков и Юра Шаламов, встают во весь рост, пытаюсь бросить бутылки, и падают.

Передо мной лежал товарищ. Ему пуля сбила надбровье, он потом, когда стрельба кончилась, показывал мне. Другая пуля чиркнула по икре, он дёрнулся и попал мне ногой в лоб.

Техника прошла, стрельба стихла. Подъехал самосвал, на который стали грузить убитых.

Из 20-ти человек 10-го отряда пять убиты утром 4 октября.

Меня спасла плащ-палатка, её накануне принесла мне Евгения Антонова Осипенко (кстати, она с 12 лет партизанила, потом брала Кёнигсберг и еще в Манчжурии воевала). Либо не видно было на газоне, либо, принимали за своего. Расстояние метров 12-15, не попасть сложно.

Я не стал ждать нового обстрела, зашел внутрь здания, нашел три бутылки с бензином и на балкон, лег там и думаю: «Если они еще раз так пойдут, сверху брошу». За мной высыпало человек двадцать, ходят, высовываются. Я говорю: «Ложись! Не на танцах.» И тут нас обстреляли, с гостиницы «Мир» мы как на ладони. Меня осколочек задел в переносицу, нашел медпункт, там сказали «ничего страшного». Крови было немного, так покапала. Возвращаюсь к выходу на балкон. Балкон чист. Кроме меня в большом холле осталось два человека. Василий Васильевич Макаров выглядывает из-за колонны, играя в прятки со снайпером, что сидит на стадионе и постреливает. И товарищ из Омска, который регулярно уговаривает меня не рисковать, беречь поэта. А что его беречь, если он станет прятаться за чужие спины.

Где-то около 11-ти прошёл слух, что нападавшие проникли в здание. Лёгкий мандраж: вот сейчас кто-то выскочит, очередь веером, и всё. Глупо, даже отмахнуться нечем. Через пять минут описал ситуацию и сразу успокоился. Поэзия – сила. Жаль, не сохранились. Ещё немного посидел и пошёл по этажам.

Возле медпункта на полу лежит Виктор Морозов – казак-герой.

-Здравствуй, Виктор. Как дела?

-Плохо. Ранение в живот, два часа и все.

-Ничего, держись, я в 20 лет был ранен в район сердца, но как видишь жив. Чем помочь?

- Ну, там, перевязать покрепче...

Позже узнал, что это его пятое ранение за этот день.

А пока снова пошёл по этажам. Нашел простыню, спасибо женщинам, пришел, а Виктора уже отнесли на шестой этаж, в столовую. Позже мы его перенесли на седьмой этаж. Там сильно пахло гарью. Автомат и шашка были при Викторе. Я попросил автомат, он отказал: «Оружие отдам только Макашову». Настаивать было неудобно. Позже я узнал, что оружие он передал через ординарца Альберту Михайловичу.

Брестская крепость (4 октября)

Стали всех выводить. Почему-то через верх. Мимо меня в лифтовый холл прошли два молодых парня с автоматами, в касках и бронежилетах. Возвратились назад они без автоматов и амуниции. Я быстро в лифтовый холл, смотрю, стоят два автомата и бронежилеты, лежат каски и полные подсумки. Одел бронежилет, подсумок и каску, взял автомат. Другой автомат предложил знакомому. Он отказался. Отдал другому, тому, кому на пандусе отдал бутылку. Пошел туда, где заседал Верховный Совет, передал Надежде Гарифулиной стихи, сказал «живым буду», вернете. Передал всем привет...

В 6 часов вечера я оказался вместе с руководством добровольческого полка на 6-м этаже. Не спал уже почти двое суток, вздремнул пол часика. Когда штаб собрался, стали обсуждать, что делать?

Сражения проиграно. Марков предложил, что нужно уйти в стакан, (стаканам называется такая верхняя часть здания с часами) и символически как защитники Брестской Крепости продержаться сколько можно, хотя бы несколько суток. Все согласились.

Я сказал, что, когда искал, чем перевязать Виктора Морозова, на другой стороне было много народу, надо предупредить, что мы оголяем фланг. Пошел по темному коридору в виде сильно вытянутой по ширине подковы на другую сторону. Вышел на свет, коридор пуст, и только на лестнице, с видом на мэрию, разговор.

Спрашиваю: «Как дела мужики?» «Хорошо!» И тут же: «Выходи по одному, руки за голову, без оружия!» Я быстро назад в тёмный

коридор, сказать, что надо срочно уходить, иначе путь в стакан перекроют! Но по другому коридору, идущему со стороны парка Павлика Морозова, уже подошел тульский десант. Через пять минут по моим следам подошла «Альфа».

Всё, нас отрезали...

«Альфа» обещала нас вывести и отпустить. Мы посоветовались, решили оружие сложить, но борьбу продолжить. Дали «Альфе» понюхать стволы. Это свидетельство, что у нас не стрелянные стволы. По тёмным коридорам, почти через всё здание «Альфа» вывела нас на тыльную сторону. Ждем. Вдруг видим, как по окнам гостиницы «Мир» и в потолки верхних этажей башни, что рядом с американским посольством, бьют пули. Там окна освещенные, и всё хорошо видно. Потом уже, сопоставив факты, которые узнал позже, я сделал вывод, что это отгоняли свидетелей, которые видели, как расстреливают на стадионе.

Прощальный взгляд (4-е октября)

Нас, снова по темным коридорам, перевели на фасадную часть, там присоединилось еще человек 50, в основном «баркашовцы», и мы вместе с «Альфа» вышли на улицу к красному автобусу. Я бросил прощальный взгляд на покинутую позицию и на уровне 13 или 14 этажа увидел «паровозные топки» .

Да...Мы собирались идти в стакан...

«Альфа» села в свой красный «пазик», из наших несколько человек к ним тоже заскочило.

Надо уходить. Но куда? Мы сперва сунулись вправо, легкая очередь. Назад откатились все в растерянности. Я Маркову: «Стоять здесь - перестреляют, все равно надо куда-то идти». Он скомандовал: «Становись!». Построились и пошли влево вниз на набережную. За мостом у пустыря врассыпную группками. Саша, Иван, Глеб и я на старую Арбатскую.

По дороге домой зашёл к дочке. Сдерживая слёзы сказал:

Наш народ в очередной раз доказал, что он умеет умирать и потому Россия воскреснет!

Неожиданное продолжение

Когда были совместные с американцами учения, так называемых, миротворцев на Тоцком полигоне, мы с моим молодым спутником подняли красный флаг над одной из вышек. Нас, конечно, сразу заметили и отвели в соседнюю полигонную роту. Тут же подъехал командир дивизии. Я подумал: четко сработали, но, оказывается, он просто в баню ехал. Мы с ним минут 15 беседовали, в таком духе:

-Что же вы врага пускаете на нашу территорию, и чему нам у них учиться?

-Да, в самом деле, ни выучки, ни дисциплины.

-А что, мы этого всегда не знали?

Командир дивизии приказал отпустить нас без последствий, но машина закрутилась, и за нами приехали из комендатуры. Среди подъехавших был один из тех наёмников, кто стрелял из танков по Верховному Совету. Кажется подполковник. И он сам, никто его за язык не тянул, стал жаловаться, когда узнал, что я был 4-го октября в Доме Советов, вот говорят, что им много заплатили, чуть ли не озолотили, а на самом деле мало заплатили...

Иудам тридцать серебряников всегда мало.

Наемники, что расстреливали из танков Дом Советов и штурмовали законную власть, потом были разогнаны по дальним гарнизонам и горячим точкам – кому нужны предатели и свидетели.

Сороковой день

На сороковой день на тогда еще бетонном заборе стадиона, что рядом с сожжённым Домом Советов было написано: «армия, кровавая сука, посмотри на дело рук своих!» Пользуясь авторитетом и громким голосом, я сказал присутствующим, которых было много: «Очень жаль погибших, но **расстреливала не армия, а купленные наемники**».

А армия, как и народ к 4-му октября ещё не проснулись.

В ночь с 4 на 5-ое

В 10-ю годовщину расстрела Дома Советов я встретил человека, который отмечал как бы второй день рождения. Он рассказал, что с ним случилось в ночь с 4 на 5-ое октября 1993 года. Они тогда с товарищем отмечали удачную продажу мебели, которую сами изготавливали частным образом. Задержались за полночь. Выпили.

Товарищ хотел его удивить, загодя купил живых раков. Но вспомнил о них только тогда, когда стали расставаться. Пришлось «нынешнему имениннику» нести этих раков через всю Москву на Киевский вокзал, жил в Подмоскowie. И вот он шел по ночной Москве, через Новый Арбат, и его несколько раз буквально ставили к стенке. И спасали его эти живые раки. В качестве последнего аргумента он предъявлял этих раков. «Если б я был там, у меня б не было живых раков».

Остальных расстреливали.

Общее количество погибших в разы больше, чем признают официально. Я слышал, что по данным МВД на эти дни приходится сверх обычного, где-то порядка 2 тысяч пропавших без вести.

Послесловие

**С унижением Закона и Родины
мы смириться не можем!
Кто не смирился, тот не побежден!**

Поэтическое приложение

Дайте мне автомат!
Поднимается клич из народа.
Дайте мне автомат!
Стон набатный не призрачный звон.
Дайте мне автомат!
Я готов умереть за свободу.
Дайте мне автомат!
Я готов воевать за закон.
Дайте мне автомат!
Здесь сегодня с друзьями моими
Я в ответе за все,
За Россию,Союз,за Страну!
Дайте мне автомат!
Я сегодня Пожарский и Минин.
Я сегодня пришел
На Священную Нашу Войну!
Дайте мне автомат!!!

22сентября 1993 г.

И я готов был умереть,
И смерть глядела мне в глаза,
Но ,видно,святы образа
Те,что из сердца не стереть...

И пули отлетали прочь,
А я глядел в глаза бойниц,
И был рассвет черней ,чем ночь...
О,БОЖЕ,ПОКАРАЙ УБИЙЦ!!!

Ноябрь 1993 г.

**Я жив...
Живу за тех,кто пал,
Наверно срок ещё не вышел
Иль до конца ещё не выжал
Себя в науке и стихах,
За нашу Родину, за них,
Что с октября уже не с нами,
Тех, что летят за облаками
И мне являются во снах...
И я шепчу: "Прости мне, брат...
Прости за всё... Не отстояли...",
Сжимая крепко автомат,
Который мне не выдавали...
Мы снова здесь...
И этот год...
Уже отмечен скорбной датой.
Но я возьму гранатомёт,
Чтобы вернулся сорок пятый!...
Октябрь 2003 г.**

4 октября 1993

Я седею в заботах, стихах и статьях...

(под присмотром чужого закона).

Не стареет лишь память о павших в боях,

Что как звёзды ушли с небосклона...

Ермаков и Шаламов...,

а вот БМП,

Из которых строчат по-немецки.

До передних пять метров, а мы вдалеке,

Аж, пятнадцать... Умрём по-советски!

Нас опять обстреляли. Мне вновь повезло.

Так, царапина, даже не проза.

На полу не стонал, лишь дышал тяжело

Весь израненный Виктор Морозов.

Я нашёл автомат и погладил патрон,

Но отрезала Альфа дорогу наверх.

Паровозные топки убитых окон

Выходя, оглянувшись, запомнил навек.

Наша память сегодня не в звоне наград,

А тиха как слеза на иконе...

Но за Родину!

снова найду автомат

И патроном захлопну патронник.

3 октября 2008 г.